

«В другой день» уже не получится! В конце концов, нынешний я — это уже не тот «прямой», как палка, я из прошлого.

Линь Сань мысленно вздохнул и, решив, что лучше разрубить узел одним махом, заявил прямо:

— Давай расстанемся.

Доктор Чжу на мгновение замерла. Увидев это, Линь Сань почувствовал, как чувство вины внутри него подскочило сразу на несколько уровней. Он знал, что доктор Чжу — женщина с израненной душой, которая только-только решилась смотреть вперед, а он снова причинил ей боль.

— Прости, это целиком моя вина. Если ты меня возненавидишь, мне нечего будет сказать в оправдание, — Линь Сань начал неистово извиняться, заверяя, что готов на любую компенсацию, лишь бы она попросила.

Доктор Чжу, вопреки ожиданиям, сохранила ледяное спокойствие. Она лишь спросила:

— Можно узнать, почему ты вдруг передумал?

Линь Сань замялся и выдал нечто невнятное:

— Я... я недавно встретил человека, который стал мне слишком безразличен. По идее, я должен бы его ненавидеть, но... но... — «Но никак не могу его забыть».

Доктор Чжу смерила Линь Саня взглядом с ног до головы, задержавшись на его «трагически-затуманенном» лице, и спустя долгое время тихо рассмеялась, пробормотав:

— Вот оно что. — (Эх, какая неудача. Крупная рыба уже почти была в сетях, и надо же ей было сорваться в последний момент).

— Я подонок, я виноват перед тобой, обругай меня! — Линь Сань опустил голову, напоминая побитого пса, которого только что выкинули в реку. Доктор Чжу молчала, а потом вдруг прыснула со смеху. Линь Сань удивленно на неё уставился.

— Не будь таким самовлюбленным, — богиня насмешливо поджала губы. — Мои чувства к тебе еще не дошли до стадии «жизнь или смерть» или «выйду только за тебя».

Линь Сань тут же с облегчением выдохнул и даже немного приободрился. Он подхватил её ироничный тон:

— И то верно! Наша доктор Чжу — красавица, умница и просто совершенство. Разве она не найдет себе мужчину получше?

— Вот и понимай это, — фыркнула она. — Но раз уж ты меня так подставил, компенсация всё же нужна. Мой сын Чжоучжоу тебя очень любит. Раз уж ты не стал его отчимом, как насчет того, чтобы стать его крестным отцом?

Линь Сань тут же закивал:

— Согласен, согласен! Ты даже не представляешь, моё самое большое хобби в жизни — это быть чьим-то папашей.

Доктор Чжу не выдержала и рассмеялась:

— Ну, по рукам!

Пробыв у него еще немного, она ушла. Как только дверь за ней закрылась, в комнату прокралась Линь Кэинь. По её вороватому виду Линь Сань сразу понял: эта негодница подслушивала под дверь.

— Даже не знаю, радоваться за тебя или огорчаться, — заявила она.

Линь Сань оторопел:

— Это ты о чем?

— Радоваться — потому что ты совершил такой свинский поступок и отделался легким испугом. — Обычная женщина с тебя бы шкуру спустила, а тут — разошлись как в море корабли. — А огорчаться — потому что раз она тебя так легко простила, значит, и чувств у неё к тебе не было!

«В её сердце тебе места не нашлось!» Линь Сань молча смотрел на эту самоуверенную малявку, которая вещала с видом знатока, и наконец в нем вскипела праведная ярость. Он холодно отрезал:

— В этом месяце карманные деньги отменяются. Никаких новых платьев, никаких цветных ленточек для волос. Вообще ничего.

Что?! Линь Кэинь тут же запаниковала:

— Ну ты и мелочный! Человек тебе правду в глаза говорит, а ты сразу за репрессии хватаешься?

Линь Сань скривил рот: «Вот и буду репрессировать, и что ты мне сделаешь?» Что это за дочь такая неблагодарная — знает, что у отца на сердце рана, и всё равно соль на неё сыплет. Тоже мне, умная выискалась!

Линь Кэинь: «Моё новое платье... мои ленточки... Будь ты проклят, Линь Сань! Желаю тебе всю жизнь быть холостяком, а если и найдешь жену, пусть она будет настоящей мегерой и тиранит тебя каждый день!»

Первый раз Линь Саня с женщиной был случайностью. Но второй раз с тем же мужчиной превратился в «познание вкуса». Проблема была в том, что этот тип, который «отымел» его дважды, даже имени не оставил — просто хлопнул дверь и исчез.

«Он что, держит меня за живой отбойный молоток?!»

Чем больше Линь Сань об этом думал, тем тоскливее ему становилось.

Пытаясь заглушить невыносимую меланхолию, он в порыве чувств схватился за перо и начал писать роман. Он даже название придумал: «Тридцать оттенков серого». История о безупречном аристократе, который на людях — ледяной принц, а на деле — мазохист и извращенец.

В процессе работы он знакомится с главной героиней, бывшей метательницей ядра, чья мускулистая фигура сводит его с ума. Он запирает её в подвале и заставляет играть в разные

«веселые» игры.

— Хе-хе-хе... — Линь Сань строчил с перекошенным лицом, но глаза его были налиты кровью; он явно ушел в глубокий астрал эротических фантазий. Только непонятно было, кого он в этот момент представлял на месте жертвы, а кого — на месте истязателя.

Спустя несколько дней:

— Не подходи! — Линь Кэинь перехватила Ван Яо у дверей комнаты и с брезгливостью прошептала: — Он там опять с ума сходит!

Ван Яо, державший тарелку с фруктами, прислушался. Из-за двери доносились странные обрывки фраз:

— Хи-хи-хи... Будешь знать, как меня кусать... Я тебя сейчас резинкой перетяну... — Хм, ну-ка, отведай силы льда!

Ван Яо густо покраснел и в ужасе отпрянул:

— Что он там творит, черт возьми?

— Пишет, — авторитетно заявила Линь Кэинь. — Утверждает, что создает эпохальный шедевр, который после завершения отправит в журнал «Народная литература».

Ван Яо: «Скорее черти в аду замерзнут, чем это там опубликуют!»

Линь Кэинь:

— Мне кажется, он пережил сильное потрясение и до сих пор не может выйти из этого состояния.

Красный как рак Ван Яо: «...» (Ему было за отца очень страшно).

Некая страна. Некое место. Элитная частная клиника.

Под тихий, слабый плач Сяо Тинлань с трудом открыл глаза.

— Поздравляю, господин. У вас маленький молодой господин.

На лице Сяо Тинланя отразилась сложнейшая гамма чувств. Лежа на операционном столе, он повернул голову и посмотрел на крошечное существо в руках врача. Красный, сморщенный, совсем крохотный... Сяо Тинлань нахмурился: «Слишком маленький».

Обычно новорожденные весят 2.5–4 кг. А в этом едва ли было 1.5 кг. Ребенок родился живым, но явно не самым здоровым — его тут же отправили в кувез (это медицинское устройство (инкубатор), используемое в отделениях реанимации и интенсивной терапии для выхаживания недоношенных или заболевших новорожденных.). Врачи подтвердили: легкие развиты не полностью.

— Я понял, — безэмоционально ответил Сяо Тинлань. — Всё, что мог, я сделал. Выживет ли этот комочек — дело его собственной судьбы. И еще... — его взгляд стал стальным. — Без моего приказа никому не приближаться к ребенку. Включая членов семьи.

Врач и секретарь Нэнси переглянулись и хором ответили: «Слушаемся».

Минуту спустя врач вышел, а Нэнси замешкалась. Сяо Тинлань вопросительно посмотрел на неё.

Нэнси:

— Кхм... есть кое-что, о чем, возможно, вы не хотите знать, но я обязана доложить. Второй отец ребенка... Согласно отчету, он отменил регистрацию брака с госпожой Чжу. Они расстались.

Сяо Тинлань прикрыл глаза, откинувшись на подушки:

— Его дела меня не касаются.

«Как это "не касаются"? — подумала Нэнси. — Если бы тебе было всё равно, ты бы не появился именно в тот момент, когда он собирался в ЗАГС». Она была уверена: босс просто взбесился от ревности. Но такова природа помеченных Омег — они становятся крайне чувствительными, зависимыми и одержимыми собственничеством, не прощая партнеру ни капли предательства. Бедный босс: инстинкт Омеги тянет его к этому Альфе, а гордость заставляет его ненавидеть. Какое противоречие!

— Повторяю еще раз: его дела меня не касаются, больше не упоминай о нем!

— Но... — Нэнси хотела спросить про период течки. Раз в год, по полмесяца... Как он собирается справляться с жаром без Альфы?

— Заткнись! Выйди! — голос Сяо Тинланя сорвался на крик.

Нэнси поспешно ретировалась. Сяо Тинлань тяжело дышал, выглядя еще более изможденным. Через десять минут в дверь снова постучали. Это был дворецкий.

— Господин, пора обедать, — он осторожно расставил еду.

Сяо Тинлань глянул на поднос и нахмурился:

— Что это еще за дичь?

— Пшенная каша с трепангом, жареная свинина с ямсом, пекинская капуста в курином бульоне, креветки с грецким орехом, ласточкино гнездо с годжи... — гордо перечислил дворецкий.

— В Китае есть традиция с тысячелетней историей, называется «сидеть в месяце» (послеродовое восстановление)!

Сяо Тинлань оцепенел. Его зрачки сузились. Дворецкий:

— Та-да-да-дам! И самое главное блюдо — суп из карася с солодкой! Говорят, невероятно помогает приливу молока!

Пять секунд спустя. Сяо Тинлань:

— ВОН!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

<http://bllate.org/book/16514/1502535>